

Оглавление

Предисловие.....	7
Глава 1. Вожди — любимые и великие.....	13
Священные значки	13
Что в имени тебе?	18
Имена Бога земного	22
Страна статуй.....	28
«Отлитое в граните».....	34
Высеченное в камне	37
Листок из книги отца	41
Музеи заслуг.....	45
Большая картина	48
Учимся быть верными солдатами Вождя и Полководца	55
Фамильные деревья Семьи Ким.....	62
Три Кима и их народ	65
Глава 2. В эпоху пропаганды.....	73
«Жить по-нашему», или Рождение Чучхе	73
В стране митингов и собраний.....	79
Самокритика.....	85
Великие песня и танец.....	89
Создание политически правильной древней истории	93
Дни радио	100
Проводное радио	106
«Нодон синмун», голос Партии.....	109
Телевизор в каждый дом.....	114
В эфире новости	119
Глава 3. Экономика старая, государственно-социалистическая	123
Деньги особого сорта.....	123
От зарплат до зряплаты	128
Карточки как норма.....	132
Маленькие номенклатурные радости	142
Глава 4. Экономика новая, рыночно-капиталистическая.....	147
Великий голод.....	147
На рынок, на рынок.....	153
На самой грани (денежная реформа 2009 года)	160
Реформы без открытости.....	170

«Корабли-призраки»	175
Хозяйка трепангов	182
Холодильники и верные отключения	185
Времена репетиторов	196
Маленькие буржуазные радости	200
Как «Трудный поход» создал рынок северокорейского антиквариата	205
История 2-на Пака, северокорейского предпринимателя	210
Черное золото Северной Кореи: угольные короли КНДР	214
Глава 5. Общество под наблюдением	218
Меньше знаешь — крепче спишь	218
Немного иностранной жизни	224
Сияние «Красной звезды» (компьютеры в Северной Кореи)	232
Тетушки рулят	237
Кто стучится в дверь ко мне?	244
Документики предъявите	248
Сел и поехал	250
Глава 6. Как устроено северокорейское общество	256
Система рангов	256
Семейная традиция	262
На казарменном положении — надолго!	268
Здоровый тоталитаризм	271
Руководящая и направляющая	277
Женское дело	280
Вузы великие и не очень	286
Глава 7. О слабостях и пороках	290
Чего-нибудь покрепче	290
Наркотики — частные и государственные	294
Дурная привычка северян	300
Преступность и другие неприятности	304
Глава 8. Все, что движется	308
«Я буду долго гнать велосипед...»	308
Колесный парк	313
Много дыма, мало мощности	318
Крепче за баранку держись, шофер	322
Скромные крылья Родины	324
По железной дороге, где мчит курьерский	327
Мраморные подземелья	333
У трамвая судьба — кольцо	337
Ностальгия по троллейбусу	340

Глава 9. Пхеньян и жизнь городская	344
<i>Превращение в столицу</i>	344
<i>«И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес...»</i>	347
<i>Этажи Пхеньяна</i>	351
<i>Г-н Со, шабашник с далеко идущими планами</i>	356
<i>Высокая кухня по-кимирсеновски</i>	361
Глава 10. Дела житейские	369
<i>Связь: начало новой эпохи?</i>	369
<i>Пусть безобразно, зато единообразно</i>	376
<i>За модой — мода</i>	379
<i>Время праздновать</i>	386
<i>Слово — и дело — Божье</i>	392
Глава 11. Дела семейные и личные	402
<i>Любовь и пропаганда</i>	402
<i>Брачные предания</i>	407
<i>Главное событие</i>	410
<i>Женская доля</i>	414
<i>Женщины в верхах</i>	419
<i>Демографические повороты</i>	424
Глава 12. Корейцы за границей, иностранцы в Корее	429
<i>Международные отношения</i>	429
<i>И вместо листьев денежки засеребрятся там</i>	437
<i>За длинным российским рублем</i>	443
<i>Г-жа Ван и любопытный случай из жизни китайских граждан в Северной Корее</i>	453
<i>Основы киднеппинга</i>	457
Глава 13. Беженцы, мигранты, перебежчики	464
<i>С того на этот берег</i>	464
<i>История побегов</i>	475
<i>Северокорейские беженцы в Южной Корее — кто они и как им живется</i>	486
<i>Всё снова под контролем?</i>	491
<i>Не только с Севера на Юг</i>	498
Вместо послесловия	504
<i>Грядущие годы таятся во мгле</i>	504

Предисловие

Впервые попав в Северную Корею — а случилось это в один солнечный день 10 сентября 1984 года, — я оказался в некотором недоумении. Я тогда приехал в Пхеньян учиться в Университет Ким Ир Сена по программе студенческого обмена между тогдашним СССР и КНДР. Это было первая в моей жизни зарубежная поездка, и те, кто помнит советские времена, понимают, что тогда значила первая «загранка» для 20-летнего парня из самой обычной семьи. Однако приехал я в Пхеньян со своим «ментальным багажом» — и в первые же дни стало ясно, что дела там обстоят во многом не так, как я предполагал и как мне говорили перед отъездом.

Я прекрасно понимал, что оказался, пожалуй, в самой жесткой диктатуре мира. Советский Союз поздних брежневских времен, то есть моя Родина, вовсе не был демократической страной, но его жители тогда более или менее поголовно считали Северную Корею воплощением неэффективности и переходящего все мыслимые границы культа личности. Так думали далеко не только — и даже не столько — диссиденты: в коридорах здания ЦК на Старой площади к Северной Корее относились примерно так же. Даже в советских газетах порой проскальзывали намеки

(разумеется, осторожные и санкционированные той же Старой площадью) на то, что в КНДР дела обстоят, скажем так, не самым лучшим образом.

Однако в те солнечные сентябрьские дни 1984 года я не увидел признаков террора и репрессий. Северная Корея совсем не походила на оживший кошмар из книг Оруэлла. Красивые женщины, одетые скромно, но мило и со вкусом, очаровательно улыбались. Важные чиновники и мелкие бюрократы в неизменных френчах спешили в свои департаменты. Старушки гуляли по улицам с внуками и внучками. Студенты и школьники шли на занятия. Короче говоря, все выглядело совершенно нормально — за некоторым исключением в виде, например, почти истеричных лозунгов, которые неслись из динамиков, что были почти на каждом столбе, да вездесущих солдат с автоматами Калашникова (впрочем, и эти солдаты не выглядели особо угрожающе). Казалось, что вокруг меня идет совершенно нормальная жизнь, и именно эта нормальность происходящего вокруг никак не соответствовала моим ожиданиям.

Жизнь Северной Кореи и была нормальной. По молодости своей я не понимал тогда одну простую истину: даже в самых репрессивных режимах подавляющее большинство людей все равно стараются жить нормальной жизнью — и в целом это у них обычно получается. В этой нормальной жизни есть работа и отдых, любовь и дружба, и в ней остается не так много места для политики. Безусловно, в 1984 году в Северной Корее происходило много неприятного, но и репрессии, и истерическая пропаганда, и многое другое составляли лишь относительно небольшую часть повседневной жизни страны.

В последние пару десятилетий о КНДР много говорят в СМИ. Пожалуй, о ней говорят даже больше, чем она того заслуживает: в конце концов, Северная Корея — это всего

лишь небольшая и слаборазвитая страна, которая, несмотря на наличие ядерного оружия, по таким ключевым показателям, как численность населения и объем ВВП, не слишком отличается от Мозамбика или Ганы. Столь гипертрофированным вниманием к себе КНДР обязана двум обстоятельствам: во-первых, ядерно-дипломатическим играм, в ведении которых пхеньянские дипломаты изрядно поднаторели; а во-вторых — самому факту выживания режима Семьи Ким, который в современном мире кажется на первый взгляд таким живым ископаемым.

Сохранение де-факто монархического режима Кимов действительно кажется чудом, но оно обусловлено самим устройством северокаорейского общества. Десятилетиями, с конца 1950-х и до начала 1990-х годов, Северная Корея оставалась самым совершенным, самым «химическим чистым» в мире образцом сталинистского общества. Сталин правил СССР всего 25 лет, а династия Ким правит Северной Кореей почти 75 лет, из которых по крайней мере 35–40 лет между 1955 и 1994 годами были временем «зрелого сталинизма». Правда, за последние 25–30 лет ситуация изменилась радикально. Вопреки распространенным представлениям, сегодня Северную Корею уже нельзя назвать «сталинистской страной», хотя жесткий административно-полицейский контроль за населением и политика самоизоляции продолжают существовать, обеспечивая режиму немалый запас прочности.

Северная Корея увлекла меня с первого же знакомства, и я изучаю эту страну уже 35 лет, еще со времен, когда мир уделял ей меньше внимания, чем Мозамбику. Помимо чисто академических публикаций по ранней истории Северной Кореи я также писал колонки для газеты *Korea Times*, англоязычной ежедневной газеты в Сеуле, и эти колонки стали основой для первоначального варианта книги, которую вы держите в руках. Книга вышла на английском в 2007 году,

потом появились японское и китайское (тайваньское) издания, а в 2018 году речь зашла об издании русском. Однако, ознакомившись с русским переводом, который с исключительным профессионализмом сделал Александр Соловьев, я понял, что публиковать в 2019 году книгу, написанную в 2000–2005 годах, просто нельзя. Во-первых, слишком многое изменилось в Северной Корее за это время, во-вторых, много нового стало известно об этой стране в последние годы, и в-третьих, ко многому я сам стал относиться иначе. В результате этот перевод был переработан, и в русском издании от оригинального английского текста едва ли осталась половина. Примерно треть старого текста была удалена — в основном за счет разделов, которые посвящены вторичным темам. Вместо этого в русский текст были включены дополнительные разделы, а та часть текста, которая осталась от английского варианта, была значительно изменена. Так что фактически перед вами, уважаемые читатели, новая книга.

Представляя книгу, я начну с перечисления того, о чем в ней речь не пойдет. Речь здесь не пойдет о международной политике, поскольку об этом много пишут другие. Речь не пойдет о том, что происходит в «коридорах власти» в Пхеньяне. Наконец — и это главное, — книга не о ядерной проблеме, которая подробно обсуждается в бесчисленных публикациях, легко доступных в нашу сетевую эпоху. В первую очередь эта книга посвящена повседневному миру, который создали и в котором живут северокорейцы, — тому, как он выглядел при Ким Ир Сене, то есть до начала 1990-х, и тому, как он выглядит сейчас. Некоторые черты этого мира причудливы и неповторимы, некоторые знакомы нам по опыту СССР, Китая и других стран, а некоторые, скажем так, «нормальны». Этот мир создан, главным образом, самими северокорейцами и отражает их собственные идеалы

и ценности, многие из которых нам могут быть чужды или даже неприятны. В любом случае это единственный мир, который они знают, так что опыт и ценности, присущие этому миру, влияют на все, включая и то, как северокаорейские дипломаты ведут переговоры, и то, почему Пхеньян решил обзавестись ядерным оружием.

КНДР вовсе не край, населенный боевыми киборгами, пусть даже руководство страны, исходя из своих соображений, время от времени пытается представить зарубежной аудитории именно такой образ Северной Кореи. С другой стороны, это и не рай, полный улыбающихся рабочих, счастливых пейзахов и радостных детей, единственной заботой которых являются успехи в труде и учебе. Эта книга рассказывает о северокаорейском обществе, его нравах и принятых в нем нормах. Я остановлюсь на мелочах, от железнодорожных билетов до особенностей радиовещания, а также на вещах более существенных, вроде системы распределения продуктов питания в северокаорейских городах. Книга расскажет, как северокаорейская система воспринимается изнутри и как она функционирует в обычном режиме. В книге также подробно рассматриваются те глубокие изменения, что произошли в Северной Корее за последнюю четверть века.

Сегодня мы знаем о КНДР гораздо больше, чем знали когда-либо с начала 1960-х годов, то есть с того момента, когда Ким Ир Сен, уйдя из-под советского влияния, установил в стране жесткий режим самоизоляции. Свою роль играют и беженцы из КНДР, находящиеся в Южной Корее и Китае, и иногда готовые к неофициальным контактам официальные представители КНДР в третьих странах, и активность иностранных НКО и гуманитарных организаций на Севере. Северная Корея, несмотря на царящий там культ секретности, во многом перестала быть «черным ящиком», причем касается это в первую очередь именно

вопросов северокорейской повседневности. Мы по-прежнему плохо знаем тайную жизнь ЦК, но вот жизнь рынка, завода или больницы для исследователей тайной перестала быть уже давно. В работе над этой книгой мне помогали многие. Особо я бы хотел поблагодарить Федора Тертицкого, Ё Хён-чжуна и Александра Соловьева, которые оказали мне неоценимую помощь при подготовке радикально переработанного русского варианта книги. Моя отдельная благодарность Евгению Штефану, который тщательно прочел окончательный вариант рукописи и во многом его отредактировал.

И в заключение несколько слов о транскрипции. В тексте книги большинство терминов будет передаваться в соответствии с нормами упрощенной транскрипции Холодовича. Географические термины записываются так, как они записаны на русскоязычных картах, то есть по правилам транскрипции Холодовича — Концевича, которая, как знают специалисты, отличается от транскрипции Холодовича использованием «дж» вместо «чж». Корейские личные имена записываются в два слова: сначала — фамилия, потом, после пробела, имя (которое у большинства корейцев состоит из двух слогов, записываемых мною через дефис). Исключение делается для тех лиц, имена которых широко известны и часто упоминаются в нашей печати, включая, например, всех трех северокорейских руководителей. Эти имена записываются так, как издавна принято в российских газетах, — в три отдельных слова.

Глава 1

Вожди — любимые и великие...

Священные значки

В 1980-е на улицах моего родного Ленинграда порой встречались студенты из Северной Кореи. Спутать их с китайцами или, скажем, с многочисленными в те годы вьетнамцами было невозможно по одной простой причине: все северо-корейские студенты постоянно носили на груди значок с портретом Ким Ир Сена. Впрочем, большинство советских граждан тогда считали этих странных азиатов китайцами, будучи в полной уверенности, что на нагрудном значке у аккуратного и «правильно» одетого азиата изображен Председатель КНР Мао Цзэдун. Однако ленинградцы и москвичи 1980-х заблуждались: даже в те дни, когда в Китае культ Мао достиг совершенно безумных масштабов, китайцы не обязаны были носить значки с портретом «великого кормчего». Однако то, что было невозможно в Китае при Мао, было вполне возможно в Северной Корее при Киме. Культ личности Ким Ир Сена в Северной Корее был исключительным по интенсивности, намного превосходя и культ Мао, и культ Сталина, с которых он изначально во многом копировался. На это были свои причины: Ким правил страной

почти полвека, то есть много дольше, чем Мао или Сталин, а потом еще и передал власть по наследству. Свою роль сыграло и то, что страна, в которой правил Великий Вождь, была гораздо меньше и, скажем так, однороднее, так что ее было проще контролировать.

Традиция поголовного и обязательного ношения значков с портретом Ким Ир Сена уникальна — ничего подобного в мире не было нигде и никогда. Значки стали обязательным атрибутом северокорейцев в начале 1970-х, когда культ Великого Вождя достиг своего апогея. В 1972 году в Северной Корее прошло пышное празднование 60-летия Ким Ир Сена, которое во многом стало поворотным моментом в истории культа Великого Вождя, — примерно с этого времени культ этот по своей интенсивности стал существенно превосходить советские и китайские прототипы. Незадолго до юбилея у кого-то из высокопоставленных чиновников появилась интересная идея: заставить всех жителей страны постоянно носить значки с изображением Солнца нации (много лет спустя авторство этой идеи приписали Ким Чен Иру). С ноября 1970 года началось массовое изготовление этих значков, и после 1972 года, когда вся страна широко отпраздновала 60-летний юбилей Великого Вождя, каждый взрослый северокореец уже не мог появиться на людях без лика Ким Ир Сена на груди.

До недавнего времени по достижении совершеннолетия все северокорейцы были обязаны надевать значок Ким Ир Сена всякий раз, когда выходили из дома. При этом дома носить значок было не обязательно — достаточно того, что портреты Вождя и Полководца имеются в каждой жилой комнате любого северокорейского дома. Пока не так давно в правилах ношения значков не были сделаны послабления, появление человека на улице без значка вело к тому, что этот проступок становился предметом обсуждения

на следующей сессии самокритики — не слишком приятная перспектива.

Носить значок полагается на левой стороне груди, как официально объясняется, «у сердца». Значки бывают разных форм и видов — всего существует около 20 различных типов, и не факт, что все они известны коллекционерам. Некоторые типы значков могут содержать важную информацию о его носителе. Например, на протяжении двух десятилетий, с начала 1990-х и до конца нулевых, самым престижным считался значок, на котором на фоне большого красного знамени были размещены портреты Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Такие значки изначально предназначались для партийных функционеров высокого ранга, и неожиданное появление человека с таким значком в те времена могло само по себе ввести многих мелких северокорейских бюрократов в ступор.

Были — а возможно, есть и сейчас — особые значки для сотрудников системы Госохраны (то есть госбезопасности) и некоторых других групп номенклатуры. Свои значки полагаются военнослужащим, членам Союза молодежи и т. д. Низовые партработники носят так называемый большой круглый значок, а северокорейские простолюдины имеют право только на «малый круглый значок». Впрочем, определить статус владельца, полагаясь только на значок, не всегда возможно, поскольку типичный северокореец может иметь несколько различных значков. Человек, который стал высокопоставленным чиновником, когда-то был студентом или солдатом, потом — мелким служащим, и у него с большой вероятностью остались значки с тех давних времен, которые он вполне может надеть и сейчас — например, на повседневную одежду. Тем не менее во многих случаях значки можно рассматривать как своеобразные знаки отличия, которые демонстрируют социальный статус носителя всем, кто разбирается в их типах.

Значки разработаны и изготовлены «Творческой группой Мансудэ». Это уникальное учреждение, художественная студия или, скорее, специализированный художественно-производственный комбинат, главная задача которого — производство скульптурных и живописных изображений Ким Ир Сена, Ким Чен Ира, Ким Чен Ына и членов их семьи. В КНДР только сотрудники этой студии имеют право создавать изображения вождей. Именно «Группой Мансудэ» разработаны и изготовлены все памятники членам Семьи Ким, все их портреты, все мозаичные панно, на которых изображены вожди.

После прихода в 2011 году к власти Ким Чен Ына внешний вид и правила ношения значков подверглись некоторому пересмотру. Во-первых, в широкий обиход вошли значки, на которых изображены оба предшественника вождя — Ким Ир Сен и Ким Чен Ир. До этого похожие «двойные значки» существовали, но выдавались они, как я уже писал, только номенклатуре высокого уровня и были немалой редкостью. Во-вторых, по новой системе в обязательном порядке носить значки должны только члены Трудовой партии и Союза молодежи. Строго говоря, это послабление было сделано еще около 2004 года, но Ким Чен Ын его подтвердил. В-третьих, в соответствии с общим духом новых, более либеральных времен за ношением значков с 2013–2014 годов следят менее строго, чем прежде. В результате в последнее десятилетие на улицах Пхеньяна все чаще стали появляться люди без значков — в основном это явно беспартийные тетушки средних лет. Впрочем, в большинстве своем корейцы предпочитают не искушать судьбу и по-прежнему дисциплинированно надевают значок каждый раз, когда выходят из дома — по крайней мере, в том случае, когда идут на работу или посещают официальное мероприятие.

Любопытно, что без значка появляется на публике и Ли Соль-чжу, жена Ким Чен Ына. Неизвестно, имеет ли она на это формальное право (в том маловероятном случае, если она не является членом партии, то имеет), но с политической точки зрения такое поведение едва ли является разумным. Значок — это, по сути, религиозный символ, зримая клятва верности системе, и понятно, что появление первой леди на людях без значка вызывает у ее подданных некоторое недоумение — примерно такое же, какое вызвало бы в Испании XVII века появление на публике Ее Ка-толического Величества Королевы без крестика на груди.

Наконец, временами без значка на груди появляется даже и сам Высший Руководитель Ким Чен Ын. В частности, когда он в 2016, 2018 и 2019 годах произносил свои новогодние речи, на нем был (хорошо сшитый) западный костюм без значка. Впрочем, в этом-то как раз ничего уникального нет: его отец Ким Чен Ир тоже время от времени появлялся на людях без значка — вождю это позволено.

Многие иностранцы, не понимающие почти мистического значения, придаваемого значку официальной идеологией Северной Кореи, пытаются приобрести его у своих северокорейских знакомых. До самого недавнего времени такие предложения отвергались, ведь значок — это символ верности стране и правящей династии, своего рода мини-икона, которая не подлежит продаже. Впрочем, в былые времена значки иногда дарили избранным иностранцам в знак признания их особых заслуг перед КНДР. В начале 2018 года стало известно, что иностранцам разрешили официально приобретать значки — но только в том случае, если они делали вклад в Фонд Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, штаб-квартира которого находится в Пхеньяне. Минимальный размер подношения, который дает право на получение значка, тогда составлял 100 евро.

Это не означает, однако, что значки невозможно продать или купить по более адекватным ценам — они регулярно появляются на международном коллекционном рынке, куда попадают контрабандой через Китай или каким-нибудь еще извилистым путем. Забавно, что предприимчивые китайцы даже наладили выпуск поддельных значков и активно продают их в качестве сувениров туристам, посещающим те районы Китая, что граничат с КНДР. С распространением в Северной Корее рыночных отношений, то есть с 1990-х годов, значки стало возможно приобрести за деньги и внутри страны. Как легко догадаться, дороже всего тогда стоили упомянутые выше «значки с партийным знаменем» с изображениями Ким Ир Сена и Ким Чен Ира — атрибут высших чиновников. В самом начале нулевых такой значок стоил не менее 5000 вон (25–30 долларов по тогдашнему обменному курсу), то есть от шести до двенадцати месячных зарплат. Некоторые другие «особые» значки тоже весьма недешевы. Но это понятно: к человеку с таким значком соотечественники будут относиться с глубочайшим почтением.

Некоторые молодые северокорейцы используют эти значки в качестве стильного аксессуара. Я помню, что в 1980-х годах среди корейской молодежи было модно закрепить значок на самом краю одежды.

Что в имени тебе?

Одна из черт, которые отличают культ личности Ким Ир Сена от других культов, — это его систематический и организованный характер. Культ личности Мао был если не стихийным, то спонтанным: местные партийные органы получали инструкции о том, что им следует провести мероприятия в честь того или иного деяния «великого кормчего»,

но конкретная организация тех или иных ритуалов во многом зависела от местной инициативы. В Северной Корее с конца 1960-х годов славить Ким Ир Сена разрешалось только по тщательно разработанным и доведенным до сведения всех, кого это касалось, нормам. Нормы эти, в частности, определяли и титулатуру Вождя. В более поздние времена в развитие и по образцу таких норм были разработаны похожие правила, регламентирующие то, как следует называть Ким Чен Ира, а потом и Ким Чен Ына. У Кимов были десятки титулов, но использование этих титулов подчинялось строгой и тщательно расписанной системе.

Самым популярным титулом Ким Ир Сена был Великий Вождь (*видэхан сурён*). Корейское слово *сурён* — вождь — имеет китайское происхождение и состоит из двух слогов-иероглифов, первый из которых означает «голова», а второй — «вести», «руководить». Этот термин вошел в употребление в конце 1940-х годов и первоначально применялся только к Сталину и Ленину, двум «великим вождям» коммунизма. Ким Ир Сена стали изредка именовать титулом *сурён* с начала 1950-х, но в те годы его обычно величали *сусан* («премьер-министр»), или *чангун* («генерал», «полководец»). Титул *сурён* оставался слишком высоким для использования «всёу»; его резервировали для особых случаев. Однако в 1960-е годы титул этот стал стандартным и был закреплен исключительно за Ким Ир Сеном. Обычно ему предшествовали префиксы *видэхан* («великий») или *обои* («отец», «отеческий»).

Как заметил Федор Тertiцкий в своей статье, посвященной официальной северокорейской титулатуре, «титулы северокорейских руководителей условно делятся на краткий, полный и второстепенные. Краткий титул используется в качестве синонима, когда автору текста нужно просто упомянуть одного из Кимов. Полный — при первом упоминании

вождя в тексте. Один из второстепенных — чтобы придать предложению какую-либо эмоциональную окраску.

«Великий Вождь» или «Вождь-отец» стали двумя наиболее часто используемыми полными титулами первого правителя из Семьи Ким. Были и другие, порой весьма живописные — всего их насчитывалось несколько десятков. Самыми распространенными стали «Солнце нации» и «Непобедимый Полководец». В широком ходу был и эпитет «Солнце человечества».

В 1972 году Ким Ир Сен назначил себя на вновь учрежденный пост президента страны. Он назывался *чусок* — это кореизированное название должности, которую занимал Мао (по-китайски эта пара иероглифов читается как *чжуси*). С китайского это слово обычно переводят на русский как «председатель», в то время как в переводе с корейского этот титул по каким-то причинам превратился в «президента». Впрочем, по должности Ким Ир Сена именовали не так часто: обычно в северокорейской печати его называли «Вождь» или, если использовался основной титул, «Великий Вождь».

Восхождение его сына Ким Чен Ира к вершинам власти началось около 1970 года. Какое-то время будущего преемника загадочно величали «Центром Партии» (*тан чунан*). Потом, примерно до 1996 года, основным титулом Ким Чен Ира был *чидочжа*, то есть «Руководитель», а полным титулом — *чхинэханын чидочжа*, или «Любимый Руководитель». Сейчас Ким Чен Ира называют либо «Полководец», либо «Великий Руководитель» (*видэхан рёндочжа*). После смерти президента Ким Ир Сена в 1994 году власть перешла к его сыну. По истечении трехлетнего траура северокорейцы были проинформированы о том, что пост Президента будет зарезервирован за Кимом Первым навечно. Ким Чен Ир стал главой государства, но не его президентом. Он занимал должность председателя Государственного комитета обороны,

и поэтому титул «Председатель Ким» иногда встречался в зарубежной прессе.

После окончания траура по отцу в 1997 году Ким Чен Ира по-прежнему иногда называли *чидочжа* («Руководитель»), но его основными титулами в качестве главы государства, то есть в период 1997–2011 годов, был *чангун*, то есть «Полководец», и, реже, *рёндочжа* («Руководитель»). Как помнят читатели, в конце 1940-х термин «Полководец» использовали для Ким Ир Сена, но к 1990-м Ким Ир Сена уже давно именовали только Вождем (*сурён*), так что путаницы не возникало. Иногда Вождем называли и Ким Чен Ира, но в целом этот титул остается прерогативой его покойного отца. Поэтому любой северокореец, прочтя в газете про «Вождя и Полководца», тут же понимал, что речь идет о двух разных и вполне конкретных людях — Ким Ир Сене и Ким Чен Ире.

По неизвестным причинам Ким Чен Ир до последнего момента оттягивал решение вопроса о наследнике. Партийному аппарату его представили только в 2009 году, а открыто Ким Чен Ын появился на политической арене лишь осенью 2010 года, то есть за год с небольшим до внезапной смерти своего отца. Поначалу наследника именовали по спешно присвоенному ему воинскому званию генерала армии — *тэчжан*, а после прихода к власти стали называть *рёндочжа*, то есть Руководителем, а чаще — *чхвего рёндочжа*, то есть Высшим Руководителем, или *вонсу*, то есть Маршалом. Таким образом, официальная триада в самом распространенном виде выглядит так: Великий Вождь, Любимый Полководец и Высший Руководитель, хотя применительно к Ким Чен Ыну возможны вариации, а в случае с Ким Чен Иром прилагательное «любимый» часто опускается.

Если же говорить о неофициальных титулах, то тут для фантазии северокорейских журналистов открыт немалый простор. Ким Чен Ира, например, в разное время

в северокаорейской печати именовали «Солнцем нации», «Вождем столетия», «Путеводной звездой XXI века», «Несравненным Руководителем», «Сияющим Солнцем Идей Чучхе». Нынешний правитель страны, кажется, меньше интересуется вопросами культа, но нет особых сомнений в том, что журналисты и пропагандисты и для него изобретут немало подходящих титулов.

Имена Бога земного

В июле 1997 года пять важнейших государственных и партийных учреждений Северной Кореи, включая ЦК ТПК и Кабинет министров, опубликовали совместную декларацию, в которой сообщили граду и миру, что в стране вводится новый календарь. 1912 год стал «Первым годом Эры Чучхе». Почему? Потому что в тот год на свет появился Ким Ир Сен. Иными словами, в официальном северокаорейском календаре год рождения Ким Ир Сена пришел на смену году рождения Христа. Решение допускало использование западного христианского летоисчисления, но исключительно в случаях особой необходимости; при этом оно всегда должно было следовать официальному обозначению даты. Впрочем, вскоре стало ясно, что на практике от западного летоисчисления в КНДР не отказались: западные и «чучхейские» даты почти всегда используются параллельно. Таким образом, 2020 год является «109 годом Эры Чучхе».

Это, конечно, не первая в истории попытка порвать с прежним календарем. Во Франции 1790-х годов революционеры начали отсчитывать годы с момента провозглашения Республики. В 1950-х годах в Южной Корее правительство пыталось ввести так называемую Эру Тангуна, начинавшуюся в 2333 году до н. э. Ни одна из этих попыток

не продержалась более нескольких десятилетий, и вряд ли Эра Чучхе станет исключением.

Решение ввести Эру Чучхе было лишь одним из нескольких проявлений посмертного культа личности Ким Ир Сена как отца-основателя Северной Кореи. В Пхеньяне с большим пиететом относятся к его памяти. Возможно, именно ради этого, то есть для сохранения своей посмертной репутации, Ким Ир Сен и решил сделать своим наследником старшего сына и создать, таким образом, первую в мировой истории «коммунистическую монархию». Ким-старший мог опасаться того, что следующее поколение вождей отнесется к его памяти так же, как в Советском Союзе отнеслись к памяти Сталина. Будучи сыном своего отца, Ким Чен Ир был кровно заинтересован в сохранении его доброго имени. На это рассчитывал Ким Ир Сен, и его расчеты в целом оправдались.

После того как в 2011 году правителем страны стал Ким Чен Ын, внук Ким Ир Сена, посмертный культ основателя не претерпел особых изменений. Любопытно, что в первые годы возвышения Ким Чен Ына официальная пропаганда активно подчеркивала его внешнее сходство с дедом — действительно, очень заметное. За этим, как можно предположить, стояли не личные симпатии, а политический расчет: и Ким Чен Ын, и его советники знали, что Ким Ир Сена в народе уважают, в то время как Ким Чен Ир у многих жителей КНДР ассоциируется с катастрофическими поздними 1990-ми, временем голода и хаоса.

Ким Ир Сен остается единственным президентом страны — «вечным Президентом КНДР». Ким Чен Ир управлял страной не как президент, но как простой «председатель Государственного комитета обороны». Как легко можно догадаться, после своей смерти Ким Чен Ир стал «вечным Председателем Государственного комитета обороны», а его сын Ким Чен Ын теперь правит страной в качестве председателя

Государственного совета. Портреты Ким Ир Сена встречаются повсюду, часто сопровождаясь изображениями Ким Чен Ира и его матери Ким Чен Сук — но об этом речь пойдет дальше.

Важной частью посмертного прославления Ким Ир Сена стали многочисленные стелы *Ёнсэнтхан*, или «obelisks вечной жизни», которые начали строить по всей стране после его смерти в 1994 году. Их название отражает официальный лозунг: «Великий Вождь Ким Ир Сен пребывает с нами вечно!», который начертан на каждом из многих тысяч таких обелисков. После смерти Ким Чен Ира надписи на «obelisks вечной жизни» переделали, включив в них упоминание и второго правителя из Семьи Ким. Сейчас надпись — абсолютно идентичная для всех обелисков — гласит: «Великие товарищи Ким Ир Сен и Ким Чен Ир пребывают с нами вечно».

По состоянию на 2013 год в стране насчитывалось 5800 «obelisks вечной жизни». Их возводили в каждом городе, в каждом провинциальном, уездном и районном центре. Обычно обелиски располагаются в центральных районах. Эти сооружения, как правило, достаточно дешевы, чтобы возвести их можно было быстро и без особых технологических ухищрений, так что ставка делается на массовость и повсеместность. Впрочем, некоторые из «obelisks вечной жизни» являются весьма внушительными и дорогостоящими сооружениями. Самый большой обелиск находится, конечно, в Пхеньяне. Его высота 92,5 м, и он всего лишь чуть ниже Монумента идей Чучхе, одной из главных архитектурных достопримечательностей города.

«Обелиски вечной жизни» — объекты регулярных ритуалов, посвященных памяти Вождя и Полководца. Их, как и памятники Вождю и Полководцу, организовано посещают по официальным праздникам и в годовщины смерти Ким Ир Сена и Ким Чен Ира.

Тело Ким Ир Сена забальзамировано и выставлено на обозрение в специальном стеклянном гробу, помещенном в мавзолее Вождя — Дворце Солнца Кымсусан. В этом отношении Северная Корея следует устоявшейся — хотя и несколько странной — традиции социалистических стран, начало которой положило решение о бальзамировании тела В.И. Ленина, принятое в 1924 году. В советское время за содержание тела Ленина отвечал специальный научно-исследовательский институт, а в наши дни действует Центр биомедицинских технологий, созданный на основе этого НИИ. За десятилетия своего существования персонал Центра приобрел уникальный опыт, который использовался и за границей. В 1949 году сотрудники мавзолея В.И. Ленина забальзамировали тело болгарского руководителя Георгия Димитрова — это был их первый зарубежный «клиент». После смерти Сталина в 1953 году его тело также было забальзамировано и помещено рядом с мумией Ленина. Советские специалисты бальзамировали тела ряда других правителей социалистических стран: Хорлогийна Чойбалсана из Монголии, Клемента Готвальда из Чехословакии, Хо Ши Мина из Вьетнама, Агостиньо Нетто из Анголы. Телом Мао Цзэдуна китайцы занимались сами и, насколько известно, не очень в этом преуспели.

Когда в 1994 году умер Ким Ир Сен, мало кто сомневался, что случится с его телом, и действительно, им занимались российские специалисты, которые работали по проверенным технологиям. Делали они это, само собой, не бесплатно: по слухам, бальзамирование обошлось в миллион долларов. Подозреваю, что корейцам повезло: накопленный Центром биомедицинских технологий уникальный опыт стоит куда дороже, но в 1994 году, в условиях кризиса и неопределенности, российские специалисты не были готовы слишком упорно торговаться. Результатом усилий ученых из России

стала мумия Ким Ир Сена, которую, кстати, в КНДР нельзя называть «мумией», но исключительно «вечным образом Великого Вождя». После смерти Ким Чен Ира в 2011 году сохранением его тела тоже занимались специалисты Центра биомедицинских технологий. Однако в одном северокорейцы не стали подражать другим социалистическим странам. Тела Ленина, Мао, Хо Ши Мина, как известно, выставлены в специально построенных для этой цели мавзолеях. Северные корейцы не стали строить для «вечного образа Великого Вождя» нового здания, а отремонтировали уже существующее. Так появился Дворец Кымсусан (с 2011 года — Дворец Солнца Кымсусан). Это монументальное сооружение было возведено на окраине Пхеньяна в начале 1970-х годов, и с 1973 по 1994 год служило резиденцией и офисом Ким Ир Сена, фактически — северокорейским президентским дворцом. Теперь просторный центральный зал этого здания стал местом упокоения и Великого Вождя, и его сына, Полководца.

В отличие от СССР, где посещение мавзолея Ленина было делом добровольным и никем особо не регулировалось, в Северной Корее кандидатов на паломничество во Дворец Солнца Кымсусан отбирают партийные организации. Большинство из отобранных, отметим, вовсе не возражают против посещения Дворца: частично из любопытства, а частично — и из искреннего почтения к покойным Вождю и Полководцу. Посетители Дворца Солнца Кымсусан должны, войдя в траурный зал, остановиться на некоторое время и поклониться стеклянному саркофагу, в котором находится забальзамированное тело. Полумрак и тихая музыка подчеркивают символический и мистический, почти религиозный характер происходящего. Рядом с траурным залом находится фактически музей Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, в котором представлены, помимо прочего, их автомобили,

железнодорожный салон-вагон и даже целый катер, которым Ким Чен Ир пользовался для морских путешествий.

Судя по всему, большинство северокорейцев более или менее верят тому, что официальная пропаганда рассказывает им о Великом Вожде. Полагается считать, что именно Ким Ир Сен одержал решающую победу над японцами в 1945 году, затем в 1950–1953 годах отразил американскую агрессию и, десятилетиями сдерживая поползновения коварных империалистов, спасал северокорейцев от печальной участи своих поработанных южных братьев. Конечно, за пределами Севера всем давно известно, что во время освобождения Кореи летом 1945 года Ким Ир Сен, в ту пору капитан Красной армии, находившийся на тыловой базе под Хабаровском, не сделал ни одного выстрела, что Корейскую войну начал он — и едва не проиграл ее из-за своих просчетов, что экономика Южной Кореи стала одной из самых быстрорастущих экономик XX века, в то время как некогда индустриальный Север под управлением Ким Ир Сена превратился в беднейшую страну региона. Но внутри КНДР все это известно лишь немногим, и по понятным причинам эти немногие вовсе не хотят делиться своим знанием с окружающими.

Крутое пикие, в которое экономика страны вошла сразу после смерти Ким Ир Сена, также способствовало повышению посмертного авторитета Великого Вождя. В конце концов, когда он был жив, в стране отоваривались карточки и все регулярно получали положенные 600–700 г зерновых в день (а также немного рыбы и овощей). Возможно, для наших читателей это не кажется синонимом роскошной жизни, но надо помнить, что после 1994 года все изменилось к худшему. Улучшение наступило только в последние 10–15 лет, так что у большинства жителей КНДР Ким Ир Сен ассоциируется с уверенностью в завтрашнем дне. Для

многих это вполне достаточная причина с полной искренностью отдавать дань памяти покойному Вождю.

Страна статуй

Когда речь заходит о стране с авторитарным режимом, в нашем воображении почти всегда возникают картины городов, на главных площадях которых высятся статуи правителя. Это, конечно, стереотип, но, как и большинство стереотипов, он имеет определенное отношение к реальности. В Северной Корее, по крайней мере, статуй хватает, и почти все они изображают членов нынешнего северокорейского правящего дома.

До самого конца XIX века традиция памятников, изначально европейская по происхождению, оставалась чуждой культурам Восточной Азии. Когда в странах Дальнего Востока появлялось желание увековечить память о каком-то человеке и совершенных им деяниях, китайцы, корейцы или вьетнамцы устанавливали в его честь мемориальную стелу или строили памятные ворота в виде арки, или открывали часовню, посвященную памяти героя. В храме или часовне могло иногда присутствовать и скульптурное изображение данного человека, но оно было не более чем одним из элементов мемориального комплекса. Только в конце XIX века Восточная Азия начала подражать европейской традиции памятных статуй. Как обычно, первый шаг в этом направлении был сделан в Японии, которая начала модернизацию раньше и поначалу проводила ее успешнее, чем остальные страны региона. Первый в Восточной Азии памятник в виде статуи был открыт в Токио в 1894 году и изображал японского генерала. В начале XX века статуи стали появляться на площадях японских (а потом и китайских, и вьетнамских)

городов во все больших количествах. В середине 1930-х первые статуи начали устанавливать и в Корее — но они были посвящены создателям японского колониального режима и были снесены после восстановления независимости.

Однако современная «традиция памятников» в Северной Корее явно имеет советское происхождение — всем памяtnы монументы Ленину, которые к концу советского периода стояли на площадях практически во всех советских городах. Те, кто в 1945–1950 годах пришел к власти в Северной Корее, эту традицию хорошо знали и были настроены ей подражать.

Первая статуя Ким Ир Сена была открыта в 1948 году (по некоторым данным — даже раньше), но открытие ее прошло на удивление скромно. Статуя эта располагалась на территории Революционного училища Мангён-дэ, интерната для детей погибших революционеров, который был создан по образцу советских суворовских училищ. С самого начала Ким Ир Сен официально считался основателем и, как сказали бы в былые времена, «патроном» этого учебного заведения, так что присутствие там его статуи было вполне объяснимо. Настоящая массовая кампания по возведению статуй Ким Ир Сена началась существенно позже, в те времена, когда он из «руководителя одной из стран народной демократии» стал превращаться в «Великого Вождя и Солнце нации», то есть в середине 1960-х годов. По состоянию на 2017 год в КНДР насчитывалось около 70 «полноценных» статуй Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Эта статистика учитывает только «настоящие» памятники, которые установлены на городских площадях, в нее не включены ни бесчисленные бюсты, ни статуи, расположенные в помещениях или на территории закрытых объектов.

К концу 1970-х годов уже почти в каждом крупном или среднем северокорейском городе была статуя Ким Ир Сена.

В городах поменьше в качестве более дешевой альтернативы были установлены большие стелы с мозаичными или живописными панно, которые тоже изображали Великого Вождя. Такие статуи и стелы, обычно находящиеся на центральной площади города, служили местом проведения регулярных массовых ритуалов в честь Ким Ир Сена и, позже, других членов Семьи Ким. Начиная с 1970-х в Новый год и в день рождения Ким Ир Сена все местные жители должны были прийти к памятнику или стеле и, сделав глубокий поклон, возложить к его подножию цветы — настоящие или искусственные.

Хотя подавляющее большинство памятников в Северной Корее изображает Ким Ир Сена, некоторое их количество посвящено другим историческим персонажам, которые, впрочем, почти всегда являются членами Семьи Кимов. В частности, есть в КНДР статуи отца, матери и жены Ким Ир Сена, обычно установленные в тех местах, которые как-то связаны с их жизнью и деяниями. Например, в приграничном городе Хверён, где родилась Ким Чен Сук, с точки зрения пропаганды — «главная» жена Ким Ир Сена, на центральной площади находится именно ее статуя, а вот полноценной статуи самого Ким Ир Сена в Хверёне нет. Однако эта ситуация несколько необычна, и будет лишь небольшим упрощением сказать, что в типичном северо-корейском городе есть только одна статуя, и это — статуя Ким Ир Сена (с 2012 года — двойная статуя Ким Ир Сена и Ким Чен Ира), которая располагается на центральной площади.

Еще в 1973 году Ким Чен Ир ясно и четко объяснил, как следует правильно разместить статуи, изображающие Вождя. Он сказал, что статуя ни в коем случае не должна находиться в тени. Изображения Вождя должны быть установлены на естественных или искусственных возвышениях, под яркими лучами солнца. Если учесть, что памятники

в Северной Корее принято красить золотой краской, то эти требования становятся более понятными — в хорошую погоду изображение Вождя должно сиять.

Среди всех статуй главную роль уже почти полвека играет памятник Великому Вождю на вершине холма Мансудэ в центре Пхеньяна. Массивная статуя высотой 23 м была открыта в апреле 1972 года, в дни масштабного празднования 60-летия Ким Ир Сена, и с тех пор представляет собой едва ли не важнейший объект того квазирелигиозного культа, которым в КНДР окружены личности Ким Ир Сена и некоторых иных членов правящего дома. По слухам, первоначально статуя Мансудэ была позолочена настоящим листовым золотом, но в конце 1970-х этот тонкий слой золота якобы был удален и заменен обычной золотой краской. История эта часто пересказывается, хотя уверенности в ее правдивости у меня нет. Как и практически все другие статуи и прочие изображения лидеров семейства Ким, статуя в центре Пхеньяна была изготовлена «Художественной студией Мансудэ», которая обладает монополией на воплощение художественного образа вождей. Надо признать, что статуя эта, хотя шедевром скульптуры никак не является, выглядит все-таки лучше, чем китайские скульптурные изображения Мао Цзедуна, которые в то же самое время в немалых количествах появлялись на площадях китайских городов.

В отличие от Ким Ир Сена, как минимум не возражавшего против активного возведения статуй в свою честь, Ким Чен Ир при жизни проявлял куда меньше энтузиазма по поводу строительства памятников самому себе. Не исключено, что Ким Чен Ир препятствовал созданию собственных статуй — по крайней мере, протест против их возведения содержится в приписываемой ему статье. С другой стороны, эта статья была опубликована посмертно, в 2013 году, и, следовательно, не может рассматриваться как полностью

достоверная. Как бы то ни было, на протяжении большей части 17-летнего правления Ким Чен Ира его статуи в стране отсутствовали. Это, конечно, никак не означает, что Северная Корея не была насыщена (и даже перенасыщена) изображениями Ким Чен Ира, но этими изображениями служили его портреты, а не скульптуры. Только в мае 2010 года стало известно, что в военной академии была открыта первая статуя Ким Чен Ира, но этот памятник находился на закрытой территории.

Приход к власти Ким Чен Ына внес изменения в политику установки памятников. Вообще говоря, Ким Чен Ын мало интересуется идеологией, но из этого правила есть некоторые исключения. В частности, Высший Руководитель, по-видимому, проявляет немалый интерес к памятным статуям своих предков. В 2012–2016 годах в северокорейских СМИ появлялись сообщения о 30 новых статуях, а в одном только 2017 году было открыто еще десять статуй. В отличие от памятников более раннего периода, статуи эпохи Ким Чен Ына, как правило, изображают как Ким Ир Сена, так и Ким Чен Ира, работающих или просто стоящих рядом. Из 30 статуй, открытых в 2012–2016 годах, только пять посвящены одному Ким Чен Иру и ни одна не была посвящена исключительно Ким Ир Сenu. Остальные 25 статуй — это парные памятники отцу и деду нынешнего правителя, причем в большинстве случаев речь шла не о возведении нового памятника, а о переделке уже существовавшего монумента путем добавления к статуе Ким Ир Сена аналогичной по размерам и стилю статуи Ким Чен Ира.

С приходом к власти Ким Чен Ына возникло то, что можно назвать «совместным наследственным культом». Ритуалы в честь Ким Ир Сена и Ким Чен Ира все чаще сливаются воедино. Помимо двойных памятников, эта тенденция

проявляется и в распространении значков, которые одновременно изображают Кима-деда и Кима-отца.

Упомянутая выше статуя на холме Мансудэ, главный памятник страны, была реконструирована в апреле 2012 года как раз путем добавления статуи Ким Чен Ира, в результате чего памятник Ким Ир Сёну превратился в парный памятник. Любопытно, что реконструкция этого памятника проводилась дважды: первая версия «дополнительной статуи» Ким Чен Ира была удалена в начале 2013 года и тут же заменена новой статуей такого же размера и, что несколько неожиданно, очень похожего вида. Единственное различие между двумя версиями состоит в том, что на появившейся в начале 2013 года статуе Ким Чен Ир изображен в несколько иной одежде.

Во многих случаях дело не свелось к простому добавлению статуи Ким Чен Ира: старая статуя Кима-основателя тоже была заменена на новую (такая замена, в частности, имела место и на холме Мансудэ). Связано это было с изменением иконографического стандарта. При жизни основатель северокорейского государства обычно изображался со строгим лицом, во френче или, иногда, в военной форме. После смерти Ким Ир Сёна его стандартным изображением стал так называемый образ Солнца, на котором Ким Ир Сён изображен с широкой улыбкой и в пиджачной паре западного образца, с галстуком. После 2012 года многие старые памятники были переделаны, чтобы соответствовать этой новой канонической версии изображения отца-основателя.

Семейные статуи Кимов остаются объектами обязательного паломничества, особенно в праздничные дни. Возят туда и иностранцев. Любопытно, что в последние годы они не могут просто приблизиться к статуям, а должны исполнить тот же церемониал, который с давнего времени стал обязательным для местных жителей: поклон статуе